

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Горян Э.В. — «Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования» // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2022. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0633.2022.4.39303 EDN: VLKBTK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39303

«Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования»

Горян Элла Владимировна

ORCID: 0000-0002-5962-3929

кандидат юридических наук

доцент, Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 5502

✉ ella-gorjan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2022.4.39303

EDN:

VLKBTK

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2022

Дата публикации:

08-12-2022

Аннотация: Объектом исследования выступают особые международные общественные отношения, складывающиеся между субъектами международного права по поводу реализации государственного суверенитета в условиях цифровизации экономики и обеспечения национальных интересов в сфере безопасности. Предмет исследования представлен китайской доктриной международного права и источниками правового регулирования отношений в сфере цифровой экономики Китая. Исследуется китайская модель «цифрового национализма» (digital nationalism), приводятся аргументы в подтверждение тезиса о воплощении государственного суверенитета над информационным пространством через категорию «киберсуверенитет» и доктрину «пяти принципов мирного сосуществования». Обосновывается необходимость реализации политики «цифрового национализма» для обеспечения государственного суверенитета. В основе китайской теории международного права лежит доктрина мирного существования государств с разными политическими, экономическими, социальными и

культурными системами, базирующаяся на комплексе из пяти фундаментальных принципов, соблюдение которых позволяет достигать общих поставленных целей при соблюдении баланса национальных интересов. Государственный суверенитет является системообразующим ядром этой доктрины, поскольку мирное сосуществование государств достигается путем взаимного уважения суверенитета. Концепция «сообщества единой судьбы» человечества определяет цель, к которой стремится китайское государство при реализации пяти принципов мирного сосуществования. Китайский подход к реализации киберсуверенитета не предполагает «балканизации» глобального киберпространства, напротив, предполагается использование его как основы при разработке международно-правовых норм для регулирования отношений государств в сфере информационной безопасности. Поэтому китайская концепция киберсуверенитета, в основе которой лежит «цифровой национализм», воплощает логическую и ожидаемую реакцию национальных властей на внутренние и внешние угрозы. Китайская теория международного права – это не схоластический конструкт, а объективная реальность

Ключевые слова:

цифровой национализм, международное право, принципы мирного сосуществования, информационная безопасность, национальная безопасность, цифровые технологии, сообщество единой судьбы, киберсуверенитет, Китай, финтех

Актуальность темы исследования. Осень 2022 года запомнится рядом событий национального и международного масштаба, имеющих решающее значение для развития международного правопорядка: саммит глав государств-членов ШОС в Самарканде, встреча министров обороны государств-участников НАТО в Брюсселе, заседание Военного комитета НАТО в Таллинне, XX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, выборы в Конгресс США, встреча глав внешнеполитических ведомств государств-участников НАТО в Бухаресте, саммит «Группы двадцати» (G20) в Индонезии. Все эти мероприятия проходили на фоне кризиса существующей миросистемы и обострившегося политического противостояния государств, выразившегося в неоднозначной реакции на события постковидной эпохи. Особенно ярко проявившаяся в 2022 году неспособность существующих международных механизмов эффективно предотвратить вооруженные конфликты и разрешить споры между государствами свидетельствует о важности пересмотра существующей глобальной парадигмы регулирования международных отношений для обеспечения мира, безопасности и процветания человечества. «Вестернизация» многих государств, сопровождаемая идеей верховенства права в западном понимании, приводит к скрытому и даже открытому (ИГИЛ, Талибан) неприятию с последующим противостоянием.

Юристы-международники, теоретики и практики по-разному объясняют несовершенство современной международно-правовой системы и неэффективность международных механизмов регулирования этих отношений. Так, среди причин, угрожающих мировому порядку, ученые указывают на такое явление, как «фрагментация международного права» ^[1]. Проблема фрагментации международного права является предметом пристального внимания юристов-международников (М. Коскенниemi, Р.А. Колодкин), она включена в повестку дня Комиссии международного права ООН, обсуждается в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН. Фрагментация наблюдается в расширении международно-правовых норм и институтов, в автономии или самодостаточности

некоторых международно-правовых режимов, в распространении норм международного права на те сферы отношений, которые ранее не считались пригодными для международно-правового регулирования, регионализация и специализация международного права, в частности в таких областях, как права человека и международная торговля, создание международных судов и других органов, применяющих, толкующих международное право и обладающих компетенцией, которая полностью или частично совпадает. Это приводит к коллизиям правовых норм и режимов, толкованию и применению одних и тех же норм в различных ситуациях, к распаду целостной и однородной международно-правовой системы [2].

Исследователи говорят о таком результате глобализации, как формирование в противовес вестфальской (Westphalian) системе международных отношений своеобразной «истфальской» системы (Eastphalian, от англ. east – восток), выделяя в качестве показателя иное понимание содержания государственного суверенитета, являющегося ключевым элементом Вестфальской системы [2]. Термин «восточный суверенитет» использовался учеными (Д. Фидлер, С. Гангули, Т. Гинзбург) для описания взглядов Китая на политическую систему в той же манере, что и «вестфальский» использовался для описания суверенитета в правовых традициях государств Западной Европы. На наш взгляд, эти опасения возникают у исследователей из-за боязни иначе воспринимать международное право как правовую систему, которая может развиваться только в русле западно-христианской цивилизации.

Последние два десятилетия в науке международного права выкристаллизовывается китайская теория международного права, представляющая собой систему взглядов и ценностей, сформированных китайскими властями в процессе реализации внешней и внутренней политики и выраженных в международных документах. Усиление роли и влияния Китайской Народной Республики на универсальном и региональном уровнях позволяет этому государству инициировать масштабные процессы по изменению существующего международного правопорядка. На саммите «Группы двадцати» в Индонезии глава китайского государства Си Цзиньпин объявил о необходимости ускорения создания сбалансированной, скоординированной и инклюзивной глобальной цифровой экономической парадигмы, которая приносит пользу всем и предусматривает взаимовыгодное сотрудничество и общее процветание (China to continue working with G20 members on global digital economic paradigm: Xi, URL: <https://english.news.cn/20221117/7c340a9367ce4d3eac399e21025dd06f/c.html>). Китай впервые включил цифровую экономику в повестку дня саммита «Группы двадцати» в 2016 году в Ханчжоу и призвал к поиску инновационных путей развития и созданию новых драйверов роста. Официальная позиция Китая заключается в стремлении прилагать согласованные усилия для создания открытой, инклюзивной, равноправной, справедливой и недискриминационной среды для развития цифровой экономики, а также развивать международное сотрудничество в развитии цифровой индустрии и содействии цифровой трансформации отраслей, чтобы раскрыть потенциал цифровых технологий экономики в стимулировании глобального роста. Предложенный китайским лидером План действий «Группы двадцати» по цифровым инновациям и сотрудничеству направлен на продвижение инновационного применения цифровых технологий и обеспечение равной выгоды всех государств от внедрения инноваций (China to continue working with G20 members on global digital economic paradigm: Xi, URL: <https://english.news.cn/20221117/7c340a9367ce4d3eac399e21025dd06f/c.html>). В своей речи Си Цзиньпин делал упор на важность преодоления цифрового разрыва между государствами и на необходимость предпринятия совместных эффективных мер для повышения цифровой грамотности и навыков населения развивающихся стран. В

итоговой Балийской декларации «Группы двадцати» цифровая экономика была определена в качестве ключевой области сотрудничества в рамках Глобальной инициативы развития (пп. 24-25) (Балийская декларация лидеров «Группы двадцати», URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69844>).

Позиция китайского правительства отражает разработанную и неоднократно используемую доктрину «пять принципов мирного сосуществования», которая в той или иной степени позволяет избегать коллизий в международных отношениях и достигать поставленных целей в кратко- и долгосрочной перспективах [3, p. 86]. Эта доктрина базируется на особом понимании государственного суверенитета, что в условиях цифровизации экономики и необходимости реагирования на связанные с этим процессом вызовы позволяет говорить о «цифровом суверенитете» как о его отдельном аспекте. Жесткие меры по защите цифрового суверенитета, предпринимаемые китайским правительством с 2019 года, характеризуют его политику как протекционистскую, для которой в литературе используется термин «цифровой национализм» [4]. Широкомасштабное регулирование киберпространства и цифровой экономики (критической информационной инфраструктуры, персональных данных, электронной торговли, искусственного интеллекта, финтеха) сопровождается пересмотром информационной политики. Неотъемлемыми субъектами её реализации являются не только органы государственной власти и государственные корпорации, но и представители частного сектора [5]. Как отмечают китайские исследователи, законодатель стремится усовершенствовать правовые инструменты регулирования не только производства данных, но и их хранения и обработки, что позволит им стать лидерами мирового рынка [6]. Большие данные собираются и обрабатываются как государственными органами, так и представителями частного сектора, что повышает ценность такой информации и ее влияние на политические, социальные и экономические процессы, а также их регулирование. Проявляющийся таким образом «цифровой национализм» как направление государственной информационной политики реализуется не только в Китае, но и в других государствах (Россия, Индия, Австралия, Сингапур). И если пять лет назад такой подход считался непривычным для западной парадигмы свободы информационного пространства, то в настоящее время это считается необходимым условием государственной информационной безопасности [4, с. 269].

Выступая так называемым трендсеттером, инициатором изменений подходов к правовому регулированию тех или иных международных отношений, Китай заявляет о своей миссии как развивающейся державы, которая осознает неединственность (non-uniqueness) теоретической системы международного права, его асимметрию (asymmetry), а, следовательно, и неодинаковость его функций и преимуществ для «больших» и «малых» государств. Теория международного права с китайской спецификой является не только объективной необходимостью для закрепления Китая в качестве державы мирового уровня, но и субъективным желанием в полной мере участвовать в глобальном управлении и защищать свои собственные права и интересы [3, p. 86]. Место постоянного члена Совета Безопасности ООН, влияние на международные отношения и вклад, который должен быть внесен в мировую правовую культуру, - всё это обязывает китайскую научную школу реагировать на исторические вызовы, выполнять исторические миссии, удовлетворять потребности национальных интересов, а также корректировать и формировать теорию международного права с национальным духом и характеристиками для преобразования международного сообщества с целью поддержания мира и устойчивого развития. В процессе создания китайской теории международного права поставлена задача полного усвоения собственной юридической мудрости и культурных

традиций Китая с целью интегрирования западной истории и реальности, западных теорий и практик с отстаиваемыми Китаем теориями, чтобы в результате приведет к формированию собственной концепции международного права. Благодаря включению западных идей и западных процессов, китайская теория будет более убедительной для международного сообщества [3, p. 86]. Китайские юристы-международники подчеркивают важность сбалансированного развития международной правовой системы с учетом особенностей национальных правовых культур [3, p. 87].

Цель исследования - охарактеризовать концепцию «цифрового национализма» как закономерный результат развития международно-правовой доктрины Китая «пять принципов мирного сосуществования». **Задачи исследования** заключаются в раскрытии содержания доктрины «пяти принципов мирного сосуществования» как составной части китайской теории международного права и определении содержания понятия «киберсуверенитета» в аспекте информационной политики «цифрового национализма».

С целью получения наиболее достоверных научных результатов были использованы системно-структурный, формально-логический и формально-юридический **методы, а также культурологический подход**. Культурологический подход в исследовании международно-правовых институтов используется учеными достаточно активно. В качестве примера можно привести работы по исламской теории международного права [7; 8], а также китайской [3]. Современные ученые все чаще рассуждают о необходимости использования междисциплинарного подхода к изучению международного права, поскольку события последнего столетия демонстрируют «несостоятельность позитивистского, рационального подхода к регулированию международных отношений», что вынуждает исследователей прибегать к другим подходам, например, конфликтологическим [9].

Предмет исследования, источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция. Предмет исследования представлен китайской доктриной международного права и источниками правового регулирования отношений в сфере цифровой экономики Китая. Выбранная нами тема для исследования приобретает популярность в научной литературе. События последних лет доказывают необходимость проведения междисциплинарных качественных исследований не только китаистами, политологами и экономистами, но и юристами-международниками, поскольку всё большую популярность среди развивающихся стран приобретает продвигаемая Китаем идея о «новом международном порядке» как закономерном выходе из тупикового развития однополярной миросистемы, в которой доминируют США и другие западные страны, представляющие десятую часть человечества. Новый тип глобального порядка будет делать упор на мир, развитие, равенство и демократию. Эта идея китайского руководства пользуется большой популярностью во всем мире и резко контрастирует с анахроничными принципами нынешней системы [10, с. 57].

Эти и другие идеи находят свое воплощение в китайской теории международного права, которая стала предметом пристального изучения представителей не только западной школы, но и восточной. В 2015 году нами был дан прогноз роста значения внешнеполитической идеологии Китая [11, p. 240]: чем больше будет возрастать роль Китая на региональном уровне, тем более успешным будет его участие в миротворческих инициативах, тем более приемлемыми для мирового сообщества будут подходы к регулированию международных отношений. Китайская теория международного права – это не схоластический конструкт, а объективная реальность.

Китайские исследователи подчеркивают важность теории верховенства закона при социализме с китайской спецификой с точки зрения международного права. Они отмечают, что «четкие формулировки теории верховенства закона при социализме с китайской спецификой способствуют тому, что китайское национальное своеобразие оказывает свое влияние и на мировые теории верховенства закона, а четкие формулировки содействуют пониманию мировым сообществом результатов, достигнутых Китаем на пути созидания правопорядка и законности» [12, с. 177]. Они подчеркивают, что китайская законность имеет независимый от западной законности тип выражения и способ реализации, что объясняется преемственностью многотысячелетних культурных традиций законности в Китае и установленных руководящей Коммунистической партией и реализуемых в течение полувека законов и правопорядка в стране, где проживают сотни миллионов современных китайцев [12, с. 177].

Отличительную особенность китайской теории международного права отмечают Н.К. Харламбиева и Т.М. Лемешева: использование в политическом обороте терминологии, появившейся в результате практики международных отношений в течение времени существования китайского государства. В частности, поскольку Китай воспринимает современное международное право как «право сильного», то он ввел в практику и часто апеллирует термин «неравноправный договор» (который был заключен в тот или иной момент слабости китайской государственности и связанной с этим неспособностью отстоять национальные интересы). Авторы подчеркивают, что «несмотря на то, что в международной практике понятие неравноправный договор широко не применяется, страна с развивающейся экономикой и миллиардным населением апеллирует не просто к абстрактной традиции, а к некоторым своим терминам, которые сам же вводит в политический оборот» [13, с. 59].

Проблема «цифрового суверенитета» стала объектом нескольких исследований российских и китайских ученых. Это понятие рассматривалось как в аспекте обеспечения информационной безопасности и автономного интернета в России [14], так и Китая [15]. По мнению С.Ю. Миролубовой, территориальная сегментация интернета является следствием политики «нового колониализма со стороны магистральных провайдеров и крупных онлайн-платформ, которые, применяя геоблокировку, способны парализовать работу Интернета в любой стране» [14, с. 31]. Исследуя опыт Китая по регулированию киберпространства, автор делает вывод о необходимости развития автономного интернета, дающего определенную независимость при введении санкций и иных мер изоляции со стороны других стран [14, с. 31].

В течение 2022 года концепция «информационного суверенитета» приобрела особую актуальность как в практической сфере функционирования российского государства как суверена, так и в научной среде. Появившийся в последние годы массив научных исследований конституционалистов [16; 17; 18], международников [19] и представителей других научных направлений [20; 21] позволяет сделать вывод о фундаментальном обосновании этой концепции в качестве системообразующей в современной теории государственного суверенитета (см. например, доклад «Ответственность по защите» (The responsibility to protect) Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, 2001).

Основная часть. Исторически наука международного права зарождалась и развивалась в лоне католической церкви и ее богословской мысли (Бартоломе Де лас Касас, Франсиско де Витория, Франсиско Суарес и др.), благодаря чему международное право

(право наций) называлось правом «христианских наций». Позднее протестантский богослов Гуго Гроций стал первым ученым, который фактически отделил международное право от христианской теологии и создал рациональную концепцию международного права, основанную на естественном законе разума. Однако это не помешало позднее определить международное право как совокупность «правил, которые христианские государства признают обязательными в отношениях друг с другом, а также по отношению к своим гражданам» [\[11, p. 237\]](#).

Однако современное международное право используется в качестве регулятора отношений, участники которых представляют значительную часть человечества, не относящуюся к западно-христианской культуре, более того, это потомки «нецивилизованных народов», которым отказывали в международной правосубъектности и чью землю во времена великих географических открытий называли *terra nullius*. Термин «цивилизация» стал использоваться последние десятилетия в международно-правовом дискурсе как необходимая категория для описания того культурного разнообразия, которое присуще мировому сообществу (например, при проведении в 2007 году форума ЮНЕСКО, посвященного диалогу культур и цивилизаций). Хотя первоначально этот термин использовался для качественного определения населения (народов) метрополий, подчеркивая их более высокий статус по сравнению с населением колоний. Поэтому международное право развивалось как право «цивилизованных наций» (см., например, ст. 38 Статута Международного суда ООН), являвшихся носителями европейской, так называемой «западной» культуры, которая отражает идеи и мировоззрение западно-христианской цивилизации, по терминологии С. Хантингтона [\[22\]](#). В своем исследовании он определяет цивилизацию как культурное сообщество высшего ранга, как широчайший уровень культурной самобытности людей: различаются западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и африканская цивилизации. По его мнению, самые значимые конфликты будущего будут разворачиваться по линиям разлома между цивилизациями, объясняя это их несхожестью в своей истории, языке, культуре, традициях [\[22\]](#).

Цивилизации различаются ценностями, принципами, на которых строятся отношения: межличностные, социальные, публично-властные и, в конечном итоге, межгосударственные. На первый взгляд, эти ценности схожи, они поддерживаются, по крайней мере, на уровне подписания и признания универсальных международно-правовых документов подавляющим большинством государств: права человека, верховенство права, государственный суверенитет и проч. Но, как показывает практика международных отношений, понимание содержания этих ценностей и, главное, готовность их отстаивать, зависят не в последнюю очередь от принадлежности государства к той или иной «цивилизации», особенностей правовой культуры конкретной правовой системы.

Отправной точкой в развитии китайской теории международного права считается закрепление пяти принципов мирного сосуществования в Соглашении между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Индии о торговле и взаимных сообщениях между Тибетским регионом Китая и Индией от 1954 года. Термин «мирное сосуществование» упоминался еще в 1920 году советским правительством [\[23\]](#), а в 1945 году этот принцип был провозглашен индонезийским национальным лидером Сукарно (Sukarno) в качестве фундаментальной основы (*pancasila*) борющегося за независимость государства. Тем не менее, пять принципов мирного существования (взаимное уважение суверенитета и территориальной

целостности; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование) были впервые официально озвучены премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем в его беседе с индийской делегацией в начале переговоров, проходивших в Пекине с декабря 1953 по апрель 1954 года между представителями китайского и индийского правительств об отношениях между двумя странами в Тибете [\[3, p. 144-145\]](#). После официального закрепления в совместном коммюнике премьер-министра Чжоу Эньлая и премьер-министра Джавахарлала Неру, эти принципы были отражены во многих других международных документах и получили широкое признание в качестве правил, на которых строились отношения между развивающимися и социалистическими странами в течение последующих десятилетий. Доктрина «пяти принципов мирного существования» является фундаментом внешней политики не только КНР, но и Мьянмы, а также центральным элементом мер укрепления доверия и безопасности (МДБ) между Индией и Китаем [\[3, p. 145\]](#).

Следует упомянуть тот факт, что в 60-е годы XX века советская делегация в ООН стремилась закрепить мирное сосуществование в качестве одного из основных принципов международного права. Патриарх советской, а позднее и российской школы международного права Г. Тункин неоднократно заявлял, что «принцип мирного сосуществования открывает новую страницу в развитии международного права» (1958 г.) и что «есть все основания назвать современное международное право правом мирного сосуществования» (1963 г.) (цитируется по [\[3, p. 146-147\]](#)). Комитет по мирному сосуществованию Советской Ассоциации международного права (САМП) заявил в 1962 г.: «Принцип мирного сосуществования является общепризнанным принципом современного международного права; ...тогда как международное право в прошлом было правом войны и мира, сегодня оно стало правом мира и мирного сосуществования» [\[3, p. 146-147\]](#). В разработанном САМП проекте декларации принципов мирного сосуществования, который был направлен в ООН, было предложено провозгласить принцип мирного сосуществования основополагающим принципом современного международного права.

Ядром доктрины «пяти принципов мирного сосуществования» является государственный суверенитет: само по себе мирное сосуществование государств является положительным следствием уважения суверенитета. Эти принципы отражают основные требования всех новых независимых государств, а также намерение Китая быть актором, поддерживающим мир, а не экспортирующим революцию [\[3, p. 149\]](#).

В качестве обоснования тезиса о корреляции между мирным сосуществованием и государственным суверенитетом китайские исследователи приводят следующие аргументы. Во-первых, международные отношения еще не перешли на тот качественно новый уровень, при котором государственный суверенитет не был бы краеугольным камнем международных отношений. Международные переговоры по борьбе с изменением климата, юрисдикция Международного уголовного суда, торговые режимы международной торговли – эти проблемные вопросы свидетельствуют о том, что международное право по-прежнему является правом в отношениях между народами (law among nations), а не глобальным соглашением, не всемирным универсальным правом ради блага всего человечества. Во-вторых, это объективная реальность, подтверждающая тезис Ганса Моргентау о том, что международные отношения по-прежнему являются чем-то вроде «борьбы за власть», а не глобальным управлением на космополитическом уровне. Несмотря на то, что в международном сообществе произошли очень важные структурные изменения и имеет место прогрессивное развитие международного права,

пока рано судить о коренных изменениях международных отношений: государства по-прежнему являются основными, первичными и наиболее важными действующими акторами во всех международных отношениях, национальные интересы по-прежнему являются мотивами принятия дипломатических решений и рассматриваются как конкурирующие, а международные нормы всё ещё основываются на согласовании воли государств, а потому не обладают достаточной юридической силой [\[3, p. 150-151\]](#).

И наконец, мирное сосуществование следует рассматривать как основную потребность государств в международных отношениях. По мнению некоторых исследователей, подобно иерархии человеческих потребностей Маслоу, «государство может перейти к более высоким вещам (структурирование иностранных режимов и международной системы по своему образу и подобию) только в том случае, если будут удовлетворены более фундаментальные цели (защита территориальной и политической целостности)» [\[24, p. 341\]](#). Кейсы WikiLeaks и PRISM доказывают, что государства часто считают свою безопасность самой важной заботой. Они могут сотрудничать, чтобы противостоять вызовам изменения климата, терроризма и финансового кризиса, но им важно гарантировать свою безопасность, независимость и территориальную целостность. Сосуществование всегда является первоочередной потребностью государств, а принцип мирного сосуществования обеспечивает такое минимальное требование к международным отношениям и закладывает основу для их дальнейшего прогресса. Заканчивая свои рассуждения, китайские ученые прибегают к конфликтологическому подходу, обоснованному В.Ф. Антипенко [\[9\]](#): сосуществование означает не столкновение цивилизаций, а терпимость между цивилизациями. Разногласия и конфликты необходимо признать в качестве имманентной характеристики международных отношений, однако теория и практика международного права могут предложить способы разрешения споров и конфликтов мирным путем, достаточно просто иметь желание и намерение их использовать. Более того, даже мирное сосуществование само по себе непросто поддерживать в международных отношениях. Нужна терпимость государств, нужна идея уважения множества культур и ценностей, нужен дух межкультурного обмена [\[3, p. 155\]](#). Поэтому доктрина «пяти принципов мирного сосуществования» рассматривается не просто как описание современных международных отношений, не как показатель настроения или как выражение чего-то желаемого, а как нечто, признаваемое в качестве основы современного международного права. В мире культурного разнообразия сосуществование является важнейшим требованием мирового порядка [\[3, p. 156\]](#).

Тесно связана с этой доктриной и концепция «общества единой судьбы» (далее – СЕС). Эта гуманистическая концепция возведена китайским руководством в ранг государственной политики. По утверждению Е.И. Сафроновой, она уже приносит ощутимую пользу Китаю, служа мощным механизмом его «мягкой силы» [\[25, с. 54\]](#). В своем исследовании автор выделяет следующие характеристики этой концепции: 1) неприятие «господства одной или нескольких стран» и упор на кардинальной важности вовлечения всех государств в глобальное управление и установление международных правил с целью распределения «результатов развития между всеми»; 2) зависимость «всеобщего» процветания от взаимовыгодного сотрудничества; 3) отказ от конфронтационного блокового подхода в партнерских отношениях; 4) трехуровневость процессов формирования СЕС [\[25, с. 51-52\]](#).

Разрабатываемая в научной среде концепция киберсуверенитета является логичным развитием доктрины государственного суверенитета. Как указывалось выше,

неотъемлемой частью государственного суверенитета является суверенитет в информационном пространстве, в цифровой среде, так называемый информационный или киберсуверенитет. В своем исследовании информационного суверенитета А.И. Химченко выделяет его составные элементы: механизм локализации персональных данных, использование доменных имен на территории государства, установление требований к операторам связи, установление правовых основ деятельности иностранных лиц в сети интернет [\[26, с. 90\]](#). По его мнению, законодательство должно реализовать ключевые направления информационного суверенитета по территориальному признаку, информационной инфраструктуре и быть направленным на снижение угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети интернет и сетей связи общего пользования, обеспечение устойчивого и безопасного использования на территории государства доменных имен, локализацию персональных данных, организацию выпуска цифровой валюты и др. [\[26, с. 87\]](#). Поэтому оправдано использование территориального подхода в отношении информационной инфраструктуры при определении сферы действия государственного суверенитета в информационном пространстве. В продолжение этого тезиса Д.В. Ефременко прогнозирует дефрагментацию киберпространства: по его мнению, «будут созданы две конкурирующие и все менее совместимые глобальные экосистемы развития Интернета вещей, технологий обработки больших данных, мобильной связи 5G, аддитивных технологий, робототехники и т. д. Выбор одной из экосистем станет одновременно и геополитическим выбором, который, очевидно, на протяжении 2020-х гг. придется сделать всем государственным акторам системы международных отношений» [\[27, с. 25\]](#). Ему вторит Г.А. Дробот, отмечая общую позицию России и Китая по коллективному управлению интернетом с разбивкой на сектора государственного влияния и усилению международно-правового регулирования информационного поля [\[28\]](#). Китайские исследователи продвигают тезис о необходимости разработки международного механизма управления киберпространством, основанного на взаимном уважении киберсуверенитета и суверенного равенства государств [\[29, p. 97\]](#).

Ученые выделяют тенденцию локализации сферы действия государственного суверенитета отдельных государств на основе привязки соответствующих информационных пространств к находящейся на территории конкретного государства информационной инфраструктуре. При этом в качестве возможных подходов к определению содержания информационного пространства выделяются территориальный, связывающий соответствующую информационную инфраструктуру и информационные ресурсы с территорией конкретного государства, и экстерриториальный, распространяющий действие правовых норм и деятельность органов государственной власти одного государства на территории других [\[30, с. 40\]](#).

Исследуя концепцию киберсуверенитета Китая, Е.А. Михалевич отмечает её ключевую особенность: она «не подразумевает разделения общего киберпространства на отдельные сегменты, а способствует созданию безопасного «киберсообщества с общей судьбой», в котором государства могут осуществлять свои права на управление Интернетом на принципах равенства, справедливости, сотрудничества, мира и верховенства закона» [\[31, с. 263\]](#). Исследователь предполагает, что «при условии успешной апробации концепции киберсуверенитета Китайской Народной Республикой на своей территории данная модель может быть использована международным сообществом в качестве основы формирования международно-правовой базы, регулирующей отношения государств в области киберпространства» [\[31, с. 262\]](#).

Как было показано выше, киберсуверенитет находит своё воплощение в правовых

режимах информации, информационных технологий и систем. Ужесточение этих режимов наблюдается в той или иной степени во всех государствах, но не во всех случаях одинаково положительно воспринимается отдельными группами внутри международного сообщества. Та или иная модель «автономного» интернета стала решением проблемы национальной безопасности для многих государств, для характеристики этого явления даже появился термин «цифровой национализм» (digital nationalism), частью которого является «национализм данных» (data nationalism). Его суть заключается в разделении онлайн-мира по офлайн-границам. Курс на изоляцию от глобальной сети берут не только Россия и Китай, но и другие страны – часто с языковыми (Индия, Казахстан, Иран) или религиозными особенностями (Саудовская Аравия, Катар и др. исламские государства, реализующие модель «халяльного» интернета). Государства блокируют нежелательный контент или ограничивают распространение информации, признанной на их территории незаконной или угрожающей режиму. Но суверенитет того или иного сегмента сети не ограничивается регулированием распространения информации [32]. Есть как минимум три дополнительных фактора, способствующих цифровому национализму: политика, безопасность и протекционизм [33].

Для обеспечения безопасности государству нужно доверять только собственным криптографическим системам и платформам. Но поскольку в современном мире невозможно изолированно реализовать весь комплекс технологий, то идея ограничения использования тех или иных технологий зарубежного производства реализуется другими способами, например, путем запрета иностранных инвестиций в цифровой сектор, как это имеет место в торговой войне между США и Китаем [34, с. 46]. Ученые видят реальную угрозу «балканизации» интернета по техническим и экономическим причинам, не сбрасывая со счетов и политические [35]. Однако некоторые авторы смотрят на сложившуюся ситуацию более оптимистично. По мнению И.А. Цветкова, «современная фаза глобализации - сочетание политического и экономического национализма со всё ускоряющимся культурным глобализмом - ставит в более выгодное положение те страны, которые находят в себе силы остаться в стороне от вошедшей в моду политической ксенофобии. Китай, сохраняющий в западном понимании статус государства несвободного и политически авторитарного, в культурном смысле начинает порой опережать своих конкурентов, прежде всего США, благодаря последовательной поддержке идеологии глобализма» [36, с. 482]. А сама идеология глобализма как раз и выражается в доктрине пяти принципов мирного сосуществования.

Выводы. В основе китайской теории международного права лежит доктрина мирного существования государств с разными политическими, экономическими, социальными и культурными системами, базирующаяся на комплексе из пяти фундаментальных принципов, соблюдение которых позволяет достигать общих поставленных целей при соблюдении баланса национальных интересов. Государственный суверенитет является системообразующим ядром этой доктрины, поскольку мирное сосуществование государств достигается путем взаимного уважения суверенитета. Концепция «сообщества единой судьбы» человечества определяет цель, к которой стремится китайское государство при реализации пяти принципов мирного сосуществования. Китайский подход к реализации киберсуверенитета не предполагает «балканизации» глобального киберпространства, напротив, предполагается использование его как основы при разработке международно-правовых норм для регулирования отношений государств в сфере информационной безопасности. Поэтому китайская концепция киберсуверенитета, в основе которой лежит «цифровой национализм», воплощает логическую и ожидаемую реакцию национальных властей на внутренние и внешние

угрозы. Китайская теория международного права – это не схоластический конструкт, а объективная реальность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии: сравнительно-правовой аспект»

Библиография

1. Brownlie, I. (1988). *The Rights of Peoples in Modern International Law // The Rights of Peoples / Ed. J.Crawford. Oxford: Clarendon Press.*
2. Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // *Московский журнал международного права.* 2005. №2. С. 38–61.
3. He, Z., Sun, L. *A Chinese Theory of International Law. Law Press China and Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2020. 254 p.*
4. Gorian, E. (2022). *Genesis of Data Security Mechanism in China: The Next Step to Data Nationalism. China & WTO Review, 2, 255-276.*
5. Горян Э.В. Развитие российского правового механизма кибербезопасности: «особый путь» или следование в русле международных тенденций? // *Административное и муниципальное право.* 2019. № 5. С. 1-15.
6. Ning, J. (2014). *Actively Promoting The Development of the Big Data Industry and Promoting China's Transition from a Big Data Country to a Strong Data Country. World Telecommunications, 1, 44.*
7. Жданов Н.В. *Исламская концепция миропорядка. М.: Междунар. отношения, 2003. – 568 с.*
8. Горян Э.В. Исламская концепция международного права в контексте диалога цивилизаций // *Проблеми ефективності міжнародного права: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Київ, 29 березня 2013 р.) / За заг. ред. к.ю.н., доц. В.Н. Кубальського. К.: Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2013. 136 с. С. 34-38.*
9. Антипенко В.Ф. *Конфликтология в международном антитеррористическом правотворчестве. Одесса: Феникс, 2014. 404 с.*
10. Горян Э.В. Концепция национальной безопасности Китая в «новую эпоху»: предварительные итоги XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая // *Национальная безопасность / nota bene.* 2022. № 6. С. 49-61.
11. Gorian, E., Gorian, K. (2015). *Chinese conception of international law as the response to the challenges of today. Mediterranean Journal of Social Sciences, 6(3), 236-241.*
12. Ни Ф., Ли С. Ориентация и инновации: теория верховенства закона при социализме с китайской спецификой с точки зрения международного права // *Власть.* 2016. Т. 24. № 10. С. 171-177.
13. Харламповева Н.К., Лемешева Т.М. Политико-правовые особенности применения международного права в Китайской народной республике // *Евразийский юридический журнал.* 2019. № 10 (137). С. 57-59.
14. Миролубова С.Ю. Развитие информационно-коммуникационной сети интернет в России в условиях геоблокировки и геодискриминации // *Право и экономика.* 2022. № 7 (413). С. 22-31.
15. Линь Д. Основы правового регулирования и административного контроля интернета в Китае // *NB: Административное право и практика администрирования.* 2020. № 2.

- С. 1-9.
16. Астапенко П.Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху // Закон и право. 2022. № 9. С. 27-33.
  17. Петроченков И.А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69-73.
  18. Романовский Г.Б., Романовская О.В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25-31.
  19. Чернухин Э.В. О подходах России к обеспечению цифрового суверенитета на примере международных организаций // Международная жизнь. 2021. № 7. С. 18-25.
  20. Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 47-67.
  21. Демяшина В.В. Цифровизация и цифровой суверенитет: к проблеме защиты политической субъектности российского государства (оценки, позиции и социально-философская рефлексия) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8 (100). С. 70-76.
  22. Huntington, S. (1994). *The Clash of Civilizations?* Polis, 1, 33-48.
  23. Карпов В. Советская концепция мирного сосуществования и её последствия для международного права // Право и проблемы современности. 1964. №29. С. 858-860.
  24. Krasner, S.D. *Defending the National Interest: Raw Materials Investments and U.S. Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.
  25. Сафронова Е.И. К вопросу о трактовке китайской концепции «общества единой судьбы» // Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. М.: Издательство ИДВ РАН, 2018. 112 с. С. 45-54.
  26. Химченко А.И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой среды доверия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 83-91.
  27. Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 25-43.
  28. Дробот Г.А. Информационная составляющая современной мировой политики // Информационное общество. 2018. № 2. С. 16-18.
  29. Xu, W. (2020). Challenges to cyber sovereignty and response measures. *World Economy and International Relations*, 2(64), 89-99.
  30. Виноградова Е. В., Полякова Т. А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 32-49.
  31. Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской народной республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. С. 254-264.
  32. Zhao, B., Deng, Y.F. (2021). Mapping the development of China's dataprotection law: Major actors, core values, and shifting power relation. *Computer Law & Security Review*, 40, 1-16.
  33. Ahmad, P. (2022). Digital nationalism as an emergent subfield of nationalism studies. The state of the field and key issues. *National Identities*, 1, 1-11.
  34. Горян Э.В. Критическая информационная инфраструктура Китайской Народной

- Республики: особенности правового регулирования в аспекте обеспечения информационной безопасности финансово-банковского сектора // Административное и муниципальное право. 2020. №4. С. 45-57.
35. Lajosi, K., Nyíri, P. (2021). Introduction: The transnational circulation of digital nationalism. *Nations & Nationalism*, 1(28), 263-266.
36. Цветков И.А. Новый национализм и борьба за доминирование в глобальном цифровом культурном пространстве // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 478-487.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему ««Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования»».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам китайской теории международного права в части вопросов «цифрового национализма». Автором проводится работа по обобщению различных научных и официальных источников с целью выяснения отдельных китайской доктрины. В качестве предмета исследования выступили положения международных актов, мнения ученых, официальные документы, информация с Интернет-ресурсов.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Отмечается, что «Цель исследования – охарактеризовать концепцию «цифрового национализма» как закономерный результат развития международно-правовой доктрины Китая «пять принципов мирного сосуществования». Задачи исследования заключаются в раскрытии содержания доктрины «пяти принципов мирного сосуществования» как составной части китайской теории международного права и определении содержания понятия «киберсуверенитета» в аспекте информационной политики «цифрового национализма». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из научной литературы. Используемые автором в статье методы раскрыты. Так, указано, что «С целью получения наиболее достоверных научных результатов были использованы системно-структурный, формально-логический и формально-юридический методы, а также культурологический подход. Культурологический подход в исследовании международно-правовых институтов используется учеными достаточно активно. В качестве примера можно привести работы по исламской теории международного права [7; 8], а также китайской [3]. Современные ученые все чаще рассуждают о необходимости использования междисциплинарного подхода к изучению международного права, поскольку события последнего столетия демонстрируют «несостоятельность позитивистского, рационального подхода к регулированию международных отношений», что вынуждает исследователей прибегать к другим подходам, например, конфликтологическим [9]».

По указанной автором методологии замечаний не имеется.

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема формирования международного порядка сложна и неоднозначна. В современном мире, когда ясно, что традиционные и устоявшиеся принципы мирового порядка не актуальны и не могут решить возникающих проблем, необходима дискуссия по поводу того, каким образом может быть выглядеть этот новый порядок. Предложения, которые высказываются китайскими коллегами, могут в этой связи иметь определенный интерес и стать предметом плодотворной дискуссии. Автор прав, что осветил этот аспект актуальности. Так, отмечается, что «Юристы-международники, теоретики и практики по-разному объясняют несовершенство современной международно-правовой системы и неэффективность международных механизмов регулирования этих отношений. Так, среди причин, угрожающих мировому порядку, ученые указывают на такое явление, как «фрагментация международного права» [1]. Проблема фрагментации международного права является предметом пристального внимания юристов-международников (М. Коскенниemi, Р.А. Колодкин), она включена в повестку дня Комиссии международного права ООН, обсуждается в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«В основе китайской теории международного права лежит доктрина мирного существования государств с разными политическими, экономическими, социальными и культурными системами, базирующаяся на комплексе из пяти фундаментальных принципов, соблюдение которых позволяет достигать общих поставленных целей при соблюдении баланса национальных интересов. Государственный суверенитет является системообразующим ядром этой доктрины, поскольку мирное сосуществование государств достигается путем взаимного уважения суверенитета. Концепция «сообщества единой судьбы» человечества определяет цель, к которой стремится китайское государство при реализации пяти принципов мирного сосуществования. Китайский подход к реализации киберсуверенитета не предполагает «балканизации» глобального киберпространства, напротив, предполагается использование его как основы при разработке международно-правовых норм для регулирования отношений государств в сфере информационной безопасности. Поэтому китайская концепция киберсуверенитета, в основе которой лежит «цифровой национализм», воплощает логическую и ожидаемую реакцию национальных властей на внутренние и внешние угрозы. Китайская теория международного права – это не схоластический конструкт, а объективная реальность».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению мнений других ученых (как российских, так и зарубежных), что само по себе может представлять интерес для дальнейших исследований в рассматриваемой сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена международно-правовым проблемам, связанным воплощением китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования».

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Brownlie, I., Колодкин Р.А., He, Z., Sun, L., Gorian, E., Антипенко В.Ф., Харлампьева Н.К., Лемешева Т.М. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным вопросам по поводу совершенствования современного мирового порядка.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»